

— Я хотел бы забыть последние полтора года своей жизни и начать все заново. Они были для меня как страшный сон, — говорил мне Владимир Канделаки, известный художник из Грузии. Говорил с досадой и грустью.

телевизионных программ бодрым голосом живописал те прелести, что ожидали художника по прибытии в Америку. — Он подавал меня в своей передаче, как какую-то важную шишку, — такими словами оценивает сам Владимир пресловутое интервью партнера по бизнесу. — Паркер обещал мне в присланных «факсах», что выставки моих картин будут организованы в галереях. Я думал, что галереи в Шта-

они не в запаснике, как было обещано? А они в ответ: «Ну вот, опять начинается. Его из грязи вытащили, а он еще не доволен». Более того, они вымогали у меня деньги. Из какой грязи они меня вытащили?.. В конце концов дело дошло до разбирательства, и мне пришлось обороняться...

В ноябре месяце в США прибыла супруга художника. К тому времени отношения Э. Паркера и В. Канделаки расстроились окончательно, по утверждениям американской стороны, из-за постоянных пьянок художника.

Откуда же взялась в американской газете информация о пьянстве Владимира Канделаки? Оказывается, как пьянство расценивалось американцами употребление спиртного за праздничным столом...

В декабре Владимир Канделаки вошел в сотрудничество с новыми партнерами — Грегори ван Дайком и Антони Рамосом, организовавшими компанию по продаже картин. По условиям нового контракта они должны были получать 25 процентов прибыли. Но отношения между художником и бизнесменами опять не заладились. Американцы хотели продавать полотна художника по цене от 500 до 1.000 долларов, исходя из размеров картин: чем картина больше, тем она дороже. Разумеется, такой «художественный» подход не мог устроить В. Канделаки. Продолжались разговоры и о выставках, но устроена была только одна, в доме культуры одной из сельских общин. Кстати, на ней не было продано ни одного полотна.

А жить тем не менее надо было. Антони Рамос «приютил» семью художника в одном из своих домов. Дом, по словам Канделаки, в таком руинированном состоянии, что А. Рамос просто не имел права сдавать его в аренду. «Благодетель» должен был заботиться и о питании супружеской четы.

Когда супруги Канделаки выехали из дома Рамоса, он потребовал в оплату расходов 35 тысяч долларов. В качестве «вознаграждения за гостеприимство» Владимир был вынужден отдать 19 картин и 12 рисунков.

В марте 1992 года наконец-то мечта художника осуществилась: выставка его произведений открылась в здании Филадельфийского Балч-института, занимающегося этническими проблемами. Открыта она была долгое время, но не смогла привлечь к себе заметного внимания. Владимир Канделаки тяжело это переживал и слег от сердечного приступа. После всего пережитого художник и его супруга неоднократно думали о возвращении домой, в Грузию, но ситуация на их бывшей родине изменила их решение.

— Мы просрочили визу и из-за начавшихся событий в Грузии решили подать прошение о предоставлении нам политического убежища в США. Сейчас дома такие события, что никому нет дела до моих картин. У меня на родине остались двое детей. Я по ним очень скучаю. Но хочу, чтобы и здесь узнали мое искусство...

Теперь позвольте добавить пару слов от себя. Из разговора с художником я понял, что это абсолютно искренний, но столь же неопытный в делах, а уж тем более в делах американского бизнеса и американской юриспруденции, человек. «Они здесь продают дружбу», — неоднократно за время нашей беседы повторял художник эти слова.

За полтора года он так и не смог понять, что в бизнесе правит не дружба, а досконально разработанный и проверенный «своими» юристом контракт. Хочется надеяться, что история с В. Канделаки послужит предостережением многим гражданам стран, составлявших некогда могучий Союз. Тем, кто пытается завязать деловые отношения с бизнесменами Запада.

Алексей АГУРЕЕВ.
(Корр. ИТАР — ТАСС — специально для «Культуры»).

НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА.

КАНДЕЛАКИ ПОД «ЛИПОЙ»

Разыскать художника и расспросить о событиях его жизни последних полутора лет заставила статья, опубликованная в газете «Филадельфия инкуайер». Ее содержание ничем не удивило американского читателя: еще один из тех, кто надеялся найти свое счастье в Америке и потерпел поражение.

В августе 1990 года Владимир Канделаки переехал из Советского Союза в Соединенные Штаты, ожидая, как подчеркивает газета, «славы и богатства, а нашел непонимание и бедность». «В настоящее время он находится в отчаянном положении — ни одной выставки так и не было организовано. Признание так и не пришло к нему. Но что еще хуже, не пришли к нему и деньги». Эти слова принадлежат автору статьи Дженифер Лин, которую весьма удивил звонок из нью-йоркского отделения ИТАР — ТАСС, от русского журналиста. «Неужели этот человек на самом деле так известен у вас в России, Грузии, других республиках бывшего Союза, как он рассказывает?» Видимо, в ее представлении фигура одинокого и затравленного В. Канделаки не совпадала с образом маститого мэтра, с представлениями о славе, богатстве и успехе, хотя в своей собственной статье она писала: «Владимир Канделаки был настоящей «звездой» советской живописи. Его произведения выставлялись в лучших музеях. Галереи всего Советского Союза, а также Германии, Польши и Финляндии стремились заполучить его работы. И когда советско-американское совместное предприятие пригласило его в США, пообещав для начала организовать выставку его произведений в Филадельфии, то он воспринял это приглашение как еще один шаг на пути к славе».

Все началось с того, что в феврале 1990 года в Тбилиси В. Канделаки дал согласие на сотрудничество с американцем Эдвардом Паркером, подарив тому в знак расположения две свои картины и старинное ожерелье для его супруги. Организация выезда В. Канделаки в США стала пробным шаром нового совместного предприятия «Лилео артс». Объясняя свое стремление уехать из СССР, художник подчеркнул, что «каждый человек искусства хочет добиться известности не только в своей стране». В июне 1990 года он получил от Э. Паркера телеграмму, в которой сообщалось, что тот устраивает выставку работ художника в музее искусств в Филадельфии уже в сентябре.

Владимир быстро упаковал 164 работы. Практически художник увез с собой в Америку результаты всех лет своего творчества. Сам же Владимир Канделаки теперь с сожалением вспоминает об этом: ведь ему предстояла выставка в Доме художника на Крымском валу в Москве, расстроившаяся из-за отъезда. А могла она стать, горюет теперь эмигрант, определенным этапом в творчестве, своеобразным подведением итогов проделанного, точкой отсчета на будущее.

Ну, а новый американский партнер в интервью одной из

таких — это как Третьяковка у нас. Кто же знал, что это просто салон-распродажа...

Подобных высказываний, полных то ли почти детской наивности, то ли самого элементарного незнания правил ведения бизнеса, мне довелось выслушать от него немало.

Можно понять обиду художника, которому зарекавшиеся «факсы» обещали выставки в галереях, а в действительности оказались «липой». Но, наверное, можно понять и его заокеанских партнеров — ведь они не брали на себя никаких юридических обязательств. Присланный «факс» — не гарантия процветания, а всего лишь свидетельство заинтересованности. Можно было бы не останавливаться так подробно на этих деталях, но слишком часто за весьма краткий срок моей работы в США приходилось сталкиваться с подобной доверчивостью наших художников, артистов, спортсменов и даже предпринимателей. Их упреки звучат примерно так же: «Приглашали, поговорили, а денег не платят, и нам здесь жить не на что». Но вернемся к Дженифер Лин и ее рассказу о судьбе художника.

С самого начала отношения у В. Канделаки с Э. Паркером не заладились, констатирует газета. На заокеанской земле выяснилось, что ни о какой выставке в галерее, ни об экспозиции в музее, ни где бы то ни было еще и речи быть не может. Творчество приезжего художника оказалось просто никому не нужным. Здесь его никто не знал, картины, следовательно, не пользовались спросом, и в итоге американский партнер от своих обязательств отказался. Вернее, как мне удалось установить, он практически не брал на себя никаких юридических обязательств, и все его договоренности с В. Канделаки не имели никакой юридической силы. Более того, Владимиру стало известно, что «Лилео артс» планирует продавать его картины, хотя, как считал художник, по условиям договоренности на продажу должны были идти те картины, которые он создаст уже в США. Написанные на родине должны были лишь демонстрироваться на выставках. После подобного известия нервы живописца не выдержали. Криминальная хроника была краткой: выпив, темпераментный гость разбил камнем стекло витрины одного из магазинов, угодил в полицию, повздорил с переводчиком-грузином и в пьяной драке ранил его ножом...

Признаться честно, прочитав об этом в «Филадельфии инкуайер», я просто не поверил такому детективному повороту событий и в разговоре с самим В. Канделаки с пристрастием «навалился» на него с вопросом: «Было или не было?» Увы, все это было. Но, по словам художника, носило совсем иной характер. Вот как объясняет Канделаки, к примеру, эпизод с поножовщиной:

— Я абсолютно не знал двоих приставленных ко мне фирмой «Лилео артс» людей, моих соотечественников-грузин. Но они меня буквально затуркали, хотя были моложе по возрасту. Я их спрашиваю: почему мои картины валяются на полу, почему по ним ходят, почему